

6645

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕЧКА

Джамбул
Стальский
Лахути

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Джамбул
Стальский
Лахути

✓ 6695

Издательство ЦК ВЛКСМ
Молодая гвардия
1938

СОСТАВИЛА Е. Д. ВИШНЕВСКАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имена трех выдающихся народных поэтов-орденоносцев известны самым широким трудящимся массам Советского Союза. Казахский акын¹ Джамбул, дагестанский ашуг Сулейман Стальский, иранский поэт-революционер Лахути обогатили нашу литературу яркими художественными произведениями.

Раньше всех трех — в 1923 году — вступил в советскую литературу политический эмигрант из Ирана Абульгасем Лахути. Первым его произведением, сыгравшим большую роль в творческом росте поэта, была поэма «Кремль». Лахути в этой поэме впервые смело и решительно заявляет, что после долгой борьбы, сложных и тяжелых исканий он нашел родину.

Выводы, которые делает автор, красноречиво говорят об окончательном оформлении его мировоззрения.

За прошедшие 15 лет поэт Лахути создал ряд крупных ценных поэм и песен, среди которых

¹ Акын, ашуг — народный певец.

мы не можем не отметить такие, как поэмы: «Корона и знамя», «Два ордена», «Три капли», «Садовник» и другие.

В нашей стране он обогатил свое творчество новой тематикой. Творчество Лахути глубоко идейно. У него оригинальный язык, свежие сравнения, красочный и выразительный стих. Лахути принес в нашу советскую литературу лучшие традиции иранской поэзии.

Второй поэт — Сулейман Стальский — четыре года назад на первом всесоюзном съезде советских писателей произвел неизгладимое впечатление на участников своими красочными и оригинальными песнями. Всем памятно слова А. М. Горького, назвавшего старого ашуга «Гомером XX века».

Многочисленные песни и, в особенности, поэмы Стальского: «Серго Орджоникидзе», «Дагестан», «Дагестанские рубаи»¹, созданные им за последние годы жизни, выдвинули народного поэта в первые ряды крупных мастеров советской поэзии.

На щите в одном из венков были начертаны несколько измененные слова клятвы Сулеймана Стальского:

И был ты честен до конца,
И волю Ленина — отца,
И славу скромного борца —
Пронес ты через жизнь страны.

Действительно, Стальский, бывший лезгинский бедняк и чернорабочий, — один из тех многих,

¹ Рубаи — стихотворная форма.

кто оставался незамеченным в прошлом и кто стал выдающимся поэтом нашей страны, пламенным борцом за коммунизм.

Творчество казахского акына, старейшего народного певца Джамбула за очень короткий срок приобрело исключительную известность, стихи его завоевали буквально всеобщую любовь и признание. Несмотря на преклонный возраст, Джамбул с неиссякаемой юношеской силой и творческой энергией продолжает создавать новые поэмы и песни, и все глубже раскрывается в них его выдающийся литературный талант и страстный боевой темперамент. Стоит только вспомнить сочиненные им песни, собранные в его новой книге «Путешествие на Кавказ», чтобы понять, как неиссякаемы творческие возможности этого чудного и мудрого старца.

Книжка в 120 страниц — взволнованные и страстные песни о родине великого вождя народов Сталина — создана 92-летним Джамбулом в два-три месяца!

«Ата акынов» (отец певцов), как его называют в Казахстане, Джамбул заслуженно считается учителем многих народных певцов и молодых поэтов.

Разными путями, находясь на разных уровнях культуры, вступили в советскую литературу казахский акын, иранский поэт и дагестанский ашуг. Вступили решительно, смело и очень быстро завоевали себе принадлежащие им по справедливости почетные места.

Самому старшему из них, Джамбулу, как мы уже сказали, недавно исполнилось 92 года. Великую Октябрьскую социалистическую револю-

цию Джамбул встретил уже 72-летним стариком с 55-летним литературным стажем.

Сулейман Стальский к тому времени, когда началась Великая пролетарская революция 1917 года, более 18 лет создавал свои разоблачительные и сатирические песни.

Еще до приезда в Страну советов, ставшую затем его подлинной родиной, Лахути был известен в Иране как талантливый и популярнейший поэт.

Как видим, Джамбул, Стальский и Лахути пришли в советскую литературу с определенным творческим багажом, именем и литературными традициями. Каждый из них был хорошо известен трудящимся массам своего народа. Но каждый из них оставался недоступным для миллионов читателей других народов в силу многих причин. Одна из основных — заключалась в том, что колониальная политика царского самодержавия душила в самом зародыше всякое творческое начало у так называемых «инородцев». Могли ли когда-нибудь в прошлом такие таланты, как Джамбул или Стальский, мечтать о любви и признании, подобным тем, какими они пользуются среди 170-миллионного многонационального советского народа!

Октябрьская социалистическая революция не только вывела народные таланты на широкую дорогу, но и оплодотворила творчество этих талантов новым содержанием, дала им такие просторы и высоты, каких история никогда не знала в прошлом да не знает и теперь там, где царствуют произвол и эксплуатация человека человеком.

К нашим поэтам применимы слова одной песни таджикского народа:

Нам, гафизам¹, Ленин сказал:
«Пойте о чем вам угодно».
Все певцы вместе создали песни о нем.

Джамбул, Стальский, Лахути стали певцами победоносного Октября.

Повторяем, каждый из приведенных в настоящем сборнике авторов пришел в нашу советскую литературу своим особенным путем. Но и Джамбул, и Сулейман Стальский, и Лахути стали активными борцами против религии, против представителей всякой религии, прежде всего против ислама².

Создавая произведения, направленные против религии, они тем самым выступали против эксплуататоров, против всякого физического и духовного угнетения и рабства. И каждое новое произведение Джамбула, Стальского, Лахути, в которых они воспевают нашу борьбу, наши победы, наше мощное общенародное движение вперед к коммунизму, является в то же время ударом по поповщине всех мастей, по религии — этому упорнейшему, изворотливейшему врагу.

Читатель найдет в нашем сборнике произведения Джамбула, Сулеймана Стальского и Лахути, в которых поэты прямо или косвенно ра-

¹ Гафиз — народный певец.

² Ислам — мусульманская вера.

зоблачают религиозные предрассудки. По своей тематике, художественным качествам и жанрам помещаемые в сборнике песни, стихотворения и поэмы разнообразны и разнохарактерны. Так, например, для тех песен Сулеймана Стальского («Муллы», «Шариатские судьи»), которые созданы им в дореволюционный, ранний период своей литературной деятельности, характерна в первую очередь их антиклерикальная, антипоповская направленность, разоблачение мулл. В поздних песнях и поэмах, как, например, в эпической поэме «Дагестан», Стальский уже значительно глубже подходит к этой же теме.

Чванливый бек — делами мал,
Соседей бедных разорял,
Судья законом торговал,
Мулла — кораном, Дагестан.

Джамбул в своих поэмах и песнях с гневом и ненавистью говорит о законах аллаха, об обмане, с помощью которого эксплуататоры дурачили трудящихся. Его песни, бодрые и радостные, призывают к борьбе и победам.

Лахути — поэт, мастерски пользующийся многообразными жанрами, направляет свои удары, меткие и сильные, против всяческого классового обмана, в том числе против сильнейшего орудия классовых врагов — религии.

Сборник песен и отрывков из поэмы крупнейших мастеров советской поэзии — Джамбула, Сулеймана Стальского и Лахути — обогащает арсенал нашего оружия против религии и повщины.

А. АРШАРУНИ

Д Ж А М Б У Л

Народный певец Казахстана, орденоносец

ПОЭМА О БРАТСТВЕ НАРОДОВ

I

Я помню. И вы не забыли, друзья, —
Забывать про сыновнее чувство нельзя.
Я Родину помню всегда и везде —
На шумной байге¹ и в труде.
Беру я домбру² в свои руки опять
И знаю, что пальцев от струн не отнять.
И вольно плывут, как весна, хороши,
Песни от полной души.
Клокочет, кипит вдохновенье в груди,
Как будто открыты века впереди
И будто все прошлое в свете лучей
Встало из мрака ночей.
В огне вдохновения — голос сильней,
Слова — полновесней, свежей и смелей,

¹ Байга — скачки.

² Домбра — музыкальный инструмент.

И песню, что звонко рокочет струна,
Слушает вся страна.
Страна моя, светлая, как бирюза!
Не могут мои насмотреться глаза
На степи твои, на сады, на леса,
На все твои чудеса!
Страна моя, в песне ты звонче струи!
Не могут наслушаться уши мои
Шелестом пышных цветущих садов,
Шумом твоих городов.
Страна моя! Ты расцветаешь, как сад,
Огни твоих звезд всему миру горят,
И флаги твои по планете шумят,
И песни твои по вселенной звенят.
Вплетает свой голос в твой песенный гул
Седобородый Джамбул.

II

Я помню. И вы не забыли, друзья, —
Забыть о страданиях и муках нельзя.
Россия горючие слезы лила,
Тюрьмою народов была.
Чем были вы — тюрк, узбек и лезгин,
Казах и таджик, белорусс и грузин?
Чем были во мраке проклятых времен
Десятки забытых племен?
Травой? Нет, трава не была так низка.
Песком? Нет, дешевле и мельче песка.
Скотом? Нет, бесправнее даже скота,
Чья доля — удары кнута.
Палач-император, кровавый злодей,
Обрек на страданье миллионы людей;
Брезгливо он нас «инородцами» звал

И, словно скотом, торговал.
Царю мы платили тяжелый оброк,
А если оброк заплатить кто не мог,
Урядник, как коршун, врывался и бил,
В тюрьму на аркане ташил.
А если аул начинал бунтовать,
То царь высылал свою грозную рать.
Кровавой и скорой расправа была —
Аул разоряли дотла.
Царю помогали и бешеный хан,
И взяточник-бий¹, и мулла-шарлатан,
И жирный купец, что водил караван,
И бай², кровожадный, как лютый сыртан³.
Проклятые, черные те времена, —
Стоном стонала земля.

III

Я помню. И вы не забыли, друзья, —
Забыть о кровавом позоре нельзя.
Толкал на вражду император-злодей
Народы, как диких зверей.
В позорные, черные те времена
Не знали, где правда, где ложь, племена.
Теряли мы сердце, лишались ума,
Глаза заливала нам тьма.
Киргизы с казахами, сев на коней,
Сражались в ковыльных просторах степей,
А царь эти степи, жаден и лих,
Отнял у тех и других.

¹ Б и й — судья.

² Б а й — в Средней Азии крупный землевладелец, кулак.

³ С ы р т а н — вожак волчьей стаи.

Тюрки вели с армянами бой,
Горячая кровь их струилась рекой,
А царь, вероломен, коварен и тих,
Грабил и тех и других.
Шумели погромы, несущие страх,
Дымилась еврейская кровь в городах.
А царь из дворца своего наблюдал,
Смеялся и пировал.
Проклятье ему и предкам его,
И всем домочадцам и близким его,
И строю, который он возглавлял,
И трону, который пал!
Оглянемся в прошлое. Тише, певцы!
Медлительным маршем идут мертвецы —
Задушенные палачами отцы,
Замученные в казематах слепцы.
Они проклинаят из мрака могил
Тот строй, что их погубил.

IV

Я помню. И вы не забыли, друзья, —
Забывать этот год лучезарный нельзя!
Сияя, взошла над планетой заря
Могучего Октября.
Нам Ленин и Сталин — батыры¹ земли —
Оружие дали, на штурм повели.
И пали оковы, и ожили мы,
И рухнули своды тюрьмы.
Мы, дети великой нужды и труда,
Запели, как синей весной вода,
Увидели солнце, моря и цветы

¹ Б а т ы р — богатырь.

И землю, пышнее мечты.
Открылась пред нами небес бирюза,
От радуг у нас заблестели глаза,
Мы стали хозяевами земли,
И степи для нас зацвели.
Земля расстилается — наша земля!
Поля засеваются — наши поля!
Руда добывается — наша руда!
И наша в озерах вода!
Пустынями движется наш караван,
И наш над вершинами аэроплан,
И наши пасутся на травах стада,
И наши шумят города!
И наш на границе стоит часовой,
Сжимая винтовку спокойной рукой,
И знает, что там, за чужою рекой,
Готовы взорвать каждый час наш покой,
Готовы... Но сжата винтовка в руке.
Границы у нас на замке!

V

Я помню. Мечтали ночами отцы,
И песни слагали степные певцы
О том, что не будет насилья и мук
В волшебной стране Жер-уюк¹.
Страна Жер-уюк, — говорили они, —
Не знает про горе и черные дни;
Исчезли там хан, и манап², и мулла;
Там нет ни бесправья, ни зла.
Там жаворонок в золотой тишине

¹ Жер-уюк — волшебная сказочная страна, которая упоминается во многих казахских легендах.

² Манап — родоначальник, феодал.

Гнездится на мягкой бараньей спине,
Там пища и песни доступны для всех,
Звучит там не стон, а смех.
Там люди, забыв про войну и вражду,
Работают дружно в миру и в ладу,
Народы там крепкой семьей живут
И братские песни поют.
Сбылись предсказанья домбристов-певцов:
Родилось одиннадцать стран-близнецов,
В Советском Союзе; ясна, золота,
Сбылась вековая мечта.
Цветет Жер-уюк — Советский Союз;
В нем русский, казах, армянин, белорусс,
Грузин и туркмен и все племена
Свободны на все времена.
Где волчий, царем утвержденный закон?
Где кровь враждовавших когда-то племен?
Где ржавый кандалный мучительный звон?
Где кровью народной обрызганный трон?
От них не осталось теперь и следа.
Исчезли они навсегда!

VI

Я помню, сказали Джамбулу: «Отец,
Ответь без раздумья — на то ты певец, —
С чем можно сравнить — не звезду и луну, —
А нашу родную страну?»
Я сразу ответил: «Не труден искус:
Сравню я великий Советский Союз
Не с бледной, холодной и мертвой луной,
Не с синей далекой звездой;
Сравню я страну, что к победе пришла,
Страну, что заветное счастье нашла,

Страну, что живет без царя и без бар,
С колхозом своим — Ер-Назар!
Мы жили все порознь и были бедны,
Теперь мы в колхозе, как братья, дружны.
Живет и не тужит народ трудовой
Чудесной колхозной семьей.
Был беден когда-то колхоз Ер-Назар, —
Теперь он хозяин могучих отар¹,
Теперь у него табуны и стада,
И пастбища и вода.
Не так ли богата и счастьем полна
И многоплеменная наша страна?
Не так ли народы в ней дружно живут
И славят раскованный труд?
Советский Союз, что стоит, как утес,
Живет, как большой, всенародный Колхоз,
И каждый народ в него силу принес,
И каждый народ в него мудрость принес,
И каждый народ в него песню принес.
Народы живут, удивляя весь мир,
И Сталин у них — Бригадир».

VII

Я помню, сказали Джамбулу: «Отец,
Сто лет доживающий мудрый певец,
Найди ты, ударив рукой по струне,
Сравненье Советской стране».
Я сразу ответил: «Не труден искус:
Сравню я великий Советский Союз
Не с небом ночным, что горит серебром,
Сравню с драгоценным ковром.

¹ Отара — стадо овец.

Взгляни на хребты, на леса и на луг:
Как много пленительных красок вокруг,
Как много узоров, чудесных, как сон,
И как бирюзов небосклон!
Искусство народа прекрасней небес,
Узорней, чем сказочный осенью лес,
Цветистее радуги, чище росы,
И нет ему равной красы.
И каждый народ самый лучший узор
Вплетает в волшебный советский ковер,
И этот ковер — в орнаментах всех стран —
Безбрежнее, чем океан.
Горит в самоцветах ковер-исполин,
В нем яхонт и жемчуг, сапфир и рубин,
В нем яшма, алмаз, изумруд, бирюза
Ласкают сияньем глаза.
Взгляни: орнаменты, сверкая, горят, —
О дружбе народов они говорят!
Сроднились казах, и туркмен, и бурят,
Грузин — украинцу и русскому брат,
Киргиз и таджик с армянином дружат.
Чудесен ковер, всем народам пример,
Ковер этот — СССР».

VIII

Я помню. Домбре откликалась зурна,
С бандурой звучала сааза струна;
Оркестр всенародный ширился, рос,
И строен и многоголос.
И в песнях разноязыких певцов
Вставали одиннадцать стран-близнецов,
И каждой стране в озареньи побед

Шептал я сыновний привет.
Россия! Ты Ленина миру дала,
Народы всех стран за собой повела;
Священна навеки твоя земля
И древние стены Кремля.
Ты, Грузия, вся утопаешь в садах,
Прославил тебя Руставели в веках.
Родит виноград и фисташки твой край
И нежный, душистый чай.
Дождем шелестя и громами гудя,
Ты в Гори растила народам вождя.
Народы, которых поднял он к борьбе,
Навек благодарны тебе.
Привет, Украина, родная земля!
Пшеницей твои золотеют поля.
По рельсам твоим герой Кривонос
Луганский ведет паровоз.
Привет, Белоруссия, наша краса!
Растишь ты народам хлеба и леса,
Прекрасные песни стране ты даришь
И зорко границы хранишь.
Армения! Ясен и светел твой день.
Табак ты растишь, виноград и ячмень,
И выше, чем древний седой Арарат,
Армянские песни звенят.
Бушующий нефтью Азербайджан,
Несешь ты народам всех сталинских стран
Могучую нефть, как ключи от побед —
Тепло и движенье, и свет.
Стоишь, изумрудный, в лучах осиян,
Расшитый шелками Узбекистан.
Ты хлопком пушистым и шелком богат,
Ты весь расцветает, как сад.
Туркмения! Где твои песни тоски?

Арыки¹ водой оживили пески.
Пустыни твои расстелили ковры
Душистых цветов и травы.
Привет, Казахстан мой, привет от певца,
Кладовая золота, меди, свинца,
Страна драгоценных степных табунов
И сбывшихся радостных снов!
Живи, Киргизстан, мой могучий сосед!
Любовь тебе, песня моя и привет.
Расти для народов сады и стада
И строй в степи города.
И, Таджикистан, будь батырски здоров,
Край золота, хлопка, отар и садов,
Страна, где гнездится могучий орел
На самой высокой из гор.
Живи, Конституция, сбывшийся сон,
Живи, воплощенье мечты всех времен
Могучих народов и малых племен!
Сияй нам, как солнце во весь небосклон,
Наш Сталинский мудрый закон!

IX

Я помню. И вы не забыли, друзья, —
Забить этот вечер декабрьский нельзя.
Во льды заковали страну холода.
Синела, мерцая, звезда.
Был снег, как жемчужины, нежен и чист.
Волнуясь, дежурил в тот вечер радист.
Дыханье свое затаила страна.
Везде разлилась тишина.

¹ Арык — в Средней Азии искусственный канал (или канава), проводящий воду из реки или иного водоема в целях орошения.

В зеленой тайге, в белоснежных степях
Ойрот и киргиз, белорусс и казах —
Вся многоплеменная наша земля
Ждала вестей из Кремля.
По радио, словно сквозь шумы дождя,
Мы голос услышали... голос вождя!
И сразу миллионы сыновних сердец
Узнали твой голос, отец!
Он лился, как летний ласкающий гром,
И сразу пахнуло июньским теплом,
Как будто ручьи по земле потекли
И маки в степи зацвели.
Мы слышали грохот, как будто обвал
В горах Ала-Тау скалы ломал, —
То гению Сталина рукоплескал
Кремлевский ликующий зал.
Мы слышали гулы, как будто Арал
За валом катил свой бушующий вал:
То съезд Конституцию принимал
И песню борьбы запевал.
И мы, кому дал он поля и леса,
И мы отдавали свои голоса
Всем сердцем, всей мыслью кипучей и всей
Горячею кровью своей.

Х

Живи, Конституция, сбывшийся сон.
Ты — самый счастливый на свете закон.
Рабам всей планеты ты светишь сквозь мрак,
Как теплой надежды маяк.
Героям-испанцам ты бодрость несешь,
Китаю в борьбе его силу даешь,

В упор обличаешь фашистских Атилл¹ —
Кровавых и грязных громил.
Жива ты в обилии спелых плодов,
В сиянии и шуме больших городов,
В дыхании заводов, в культуре страны,
В серебряном звоне струны.
Да здравствует гений, кто твердой рукой
Писал нам законы строку за строкой,
Кто вывел народы из мрака на свет,
Кто дал нам ключи от побед.
Сталин! Девиз всей страны — это ты!
Сталин! Маяк Октября — это ты!
Сталин! Душа всей поэзии ты!
Сталин! Дружба народностей ты!
Сталин! Одиннадцать стран говорят:
«Первый наш депутат»,
Чье имя мы пишем на шелке знамен,
Чьим именем назван великий закон,
Кого мы избрали, дети побед,
В наш первый Верховный Совет.
И вместе с творцом гениальных идей
В Совет мы послали лучших людей,
Делами которых горда и сильна
Любимая наша страна.
За тех, кто в пустынях арыки прорыл,
За тех, кто стальные пути проложил,
За тех, кто взлетел, как орлы, в небеса,
Мы отдали голоса.
За тех, кто принес в наши юрты лучи,

¹ Атилл — вождь кочевого племени гуннов, под
водительством которого гунны своими нашествиями
разрушали целые страны и культурные центры. В сере-
дине V века напали на Римскую империю, в 452 г.
вторглись в Италию и опустошили ее.

Кто умные книги читать научил,
За тех, кто на солнце открыл нам глаза,
Мы отдали голоса.
За тех, кто прогнал навсегда басмачей,
Кто в ясные дни и во мраке ночей
Хранит наши степи, поля и леса,
Мы отдали голоса.
Так славьтесь и в песне и в звоне струны,
Мудрейшие люди Советской страны,
Батырь ума, человечества цвет,
Живи, наш Верховный Совет!

★ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Я говорю: «СССР» — и блещет синева озер,
Лежат коврики душистых трав в алмазных росах
при восходе.
Поют по рощам соловьи, горят, как жемчуг,
выси гор,
И зори, яшмовитов нежней, неволью мне на ум
приходят.

Обильна родина моя! Тучнеют сытые стада,
Всесветна слава табунов, не счесть отар, что
стелью бродят.
В полях — зерно, в садах — плоды, в земле —
чудесная руда.
Богатства нект и городов неволью мне на ум
приходят.

Народы родины моей живут, как дружная
семья.

Десятки братских языков журчат ручьями на
свободе.
Я чувствую кипенье сил и вдохновенье соловья,
И песня дружбы всех племен неволью, мне на
ум приходит.

Я в детстве раннем кочевал полынной степью
ханских орд.
Как надмогильные холмы, серели нищие аулы.
На хане царь сидел верхом, а хан, от этой
чести горд,
Народ ногами попирал, — и это освящали
муллы.

В песках пустыни умирал мой обездоленный
народ,
В глухой и душной темноте — без прав,
полунагой и босый.
Текла по родине река из горьких человеческих
слез.
На каменистом пустыре, хирея, осыпалось
просо.

Я лишь семидесяти лет увидел солнечный
восход
И сразу, просветлев душой, запел, на старость
не в обиде.
Увидел я, как разметал врагов разгневанный
народ.
Я гений Ленина узнал и гений Сталина увидел.

Высок Кавказ. В седых снегах наш Ала-Тау —
исполин.

И Крым, увенчанный чалмой жемчужных туч,
 уперся в небо.
Но Ленин выше снежных гор, и Сталин выше
 всех вершин,
Без них, двух гениев земли, родной народ
 счастливым не был.

Они связали, как друзей, простор степей и
 ширь тайги,
Неву ороднили с Иртышом, Байкал и Балтику
 сдружили,
Сказали людям всех племен — где их дружба и
 где враги,
И, массы в битву поведя, союз народов
 утвердили.

Горит в цветах моя земля. Поет, ликуя, мой
 народ.
Одиннадцать свободных стран узнали счастье
 мирной жизни.
В песках пустынь звенит арык, и степь, как сад,
 весной цветет,
И радуги семи морей зажгли сиянье по отчизне.

Я говорю: «СССР» — и золотой встает Алтай,
И Каспий вдребезги дробит светлозеленые
 громады,
И льдами Арктика шуршит, растит леса
 Карельский край,
И склоны Грузии дарят народам гроздь
 винограда.

Я вижу груды серебра и слитки золота горой,

И старым сердцем слышу: там, где люди пели
от тоски,
Теперь по всей моей стране гремят
торжественные марши.
Прислушайтесь! Поет страна. Поют народы. В
этот хор
Текут свободною волной, как в море реки, все
наречья.
И славят сталинский закон и славят солнечный
простор,
Цветенье сил, свободный труд, любовь и счастье
человечье.
Поет страна. И хор племен до неба здравицу
вознес,
Как будто грянул майский гром, легко
откатываясь в дали, —
Живи, родной СССР, средь волн стоящий, как
утес!
Живи, любимый наш отец, великий мастер
счастья, Сталин!

СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ

Народный поэт Дагестана, орденоносец

МУЛЛЫ

Про ваш обычай я спою,
Примите мой рассказ, муллы;
И повесть слушайте мою,
Не закрывая глаз, муллы.

Когда зерно собирает люд,
Вы у амбаров тут как тут.
И часть десятую дают
Не вам ли про запас, муллы?

Где сбор для бедных — без помех
Себе присвоите успех,
Садитесь к плову ближе всех,
Везде поспев как раз, муллы.

Не помнит бедняков мулла,
А совесть у него бела.
Но ваши мысли и дела
Я знаю без прикрас, муллы.

Вам только б пищу повкусней,
Да тишину, — ведь вы умней
Хотите быть простых людей
Не всем ли напоказ, муллы?

Вам буря всякая страшна.
Попова пьете чай, нежна
У вас черкеска из сукна,
Бешмет ¹ — как бы атлас, муллы.

Мулла и быстр и даровит,
Едва окончив алфавит,
Собрать зекат ² он норовит,
Лишь цвет весны угас, муллы.

Лишь урожаю вышел срок,
Забыв уроки, поволок
Мулла к себе домой мешок:
Хитрее всех пролаз муллы.

Вы летом задаете тон,
Предчувствуя со всех сторон
Поминки после похорон,
И не щадите фраз, муллы.

Нет правды у муллы в очах,
Вы только зависти очаг,
Под землю подложив рычаг,
Взорвать хотите нас, муллы.

¹ Бешмет — стеганая поддевка под кафтан у татар и кавказских народностей.

² Зекат — доля урожая, которую получали муллы.

На даровой и жирный плов
Мулла спешит без лишних слов.
Покушал плотно и готов,
И слышен храп тотчас муллы.

В стакане дна вам не видать:
В стакане сахар — благодать!
Я, Сулейман, не стану лгать, —
Такая жизнь у вас, муллы.

ШАРИАТСКИЕ СУДЬИ ¹

Нет справедливости в груди,
Нет искры жалости в груди.
Без платы к вам бедняк приходи —
К нему вы глухи, судьи!

Даете хитрый ход словам.
Сам дьявол помогает вам,
И справедливым беднякам
Вы сердце жжете, судьи!

Людьми заполнен зал суда.
Вы в руки смотрите всегда.
Без взятки кто — того всегда
Вы изведете, судьи!

И если ваш же брат родной
Не сунет в руку золотой,
К нему вы станете спиной,
И он погибнет, судьи!

¹ Ш а р и а т — мусульманское право. Существовали в прошлом в Дагестане шариатские суды, о деятельности которых и пишет Стальский.

Подумайте: когда-нибудь
Болезнь проникнет в вашу грудь...
Вы стали на греховный путь
Без милосердия, судьи!

Как жадны мыши ваших глаз!
Вы продаетесь каждый час...
О, мщенье ожидает вас,
А не богатство, судьи!

Бедняк исполнится обид,
Вас гнев народа поразит —
Так Сулейман вам говорит —
Опомнитесь, о судьи!

ДАГЕСТАН

(Отрывки из поэмы)

Цари России с давних пор
Разбоем жили, Дагестан.
Прибрать к рукам народы гор
Они мечтали, Дагестан.

Где царский властвовал закон,
Звучал племен бесправных стон,
Царевым войском окружен,
Ты задыхался, Дагестан.

Столетия царская рука
Сжимала горло бедняка.
Богатств награбленных река
Текла на север, Дагестан.

Чтоб в покорнейших племенах
Взрастить на веки рабский страх,
Царь строил крепости в горах,
Солдат держал там, Дагестан.

Он ханам, бекам¹ волю дал,
Их награждал и возвышал.
Дербент — столицу гор — он взял
И сжал тисками, Дагестан.

Лизали беки царский след.
За кучу золотых монет
Аварский хан Султан-Ахмед
Царю предался, Дагестан.

Не только денег он желал —
Царевой дружбы он искал,
И царь ему по-братски дал
Любовь и дружбу, Дагестан.

Ермолов², русский генерал,
С земли кумыков³ наступал.
Он черным рабством угрожал
Народам горским, Дагестан.

Отраву в сердце нес бедняк,
Когда из пушек злобный враг
Громил Башлу, когда Кайтаг
С землей сравнили, Дагестан.

¹ Бек — феодал-помещик.

² Ермолов — царский генерал, в 1817 г. с большим трудом подавил восстание горцев в Дагестане.

³ Кумыки — тюркская народность.

Стремясь к богатствам рудных жил,
Враг путь сквозь горы проложил,
Он земли юга захватил
И берег моря, Дагестан.

Абдул-Кадыр и Бей-Булат
В чеченских поднялись горах,
Руки царевой властный взмах
Их уничтожил, Дагестан.

Аулы жрал огонь войны,
Враги угнали табуны,
По скалам попражной страны
Бродило горе, Дагестан.

И михтулинцы¹, вдруг прозрев,
Войне вручили боль и гнев.
Уйти от мести не успев,
Пал русский пристав, Дагестан.

Верховский в горы ввел отряд
Своих карателей-солдат,
Но, встречен пулями, назад
Бежал бесславно, Дагестан.

И Магомед из Яраги
На газават² звал Дагестан.
Тогда почуяли враги
Мюридов³ храбрость, Дагестан.

¹ Михтулинцы — племя в Дагестане.

² Газават — война мусульман против русского самодержавия за национальную независимость.

³ Мюриды — последователи имама — религиозно-политического вождя кавказских горцев-мусульман.

Казаниш, Эрпели, Буйнак,
Все встали под зеленый флаг¹.
Разбил мюридов сильный враг,
Тарки разграбил, Дагестан.

В Тарках погиб Кази-Молла²,
Сраженный, выпал из седла,
Смерть предводителя взяла,
Ослепло дело, Дагестан.

Бесчисленна, как волн прибой,
Сметая все перед собой,
Шла армия царева в бой
Дорогой крови, Дагестан.

Когда прошел военный шквал,
Гамзат-Молла имамом стал.
Он медлил все и выжидал
Удобных сроков, Дагестан.

И бек, и хан, спеша свой дом
Набить награбленным добром,
Над золотом и серебром
Бесились с жиру, Дагестан.

Чванливый бек — делами мал,
Соседей бедных разорял,
Судья законом торговал,
Мулла — кораном, Дагестан.

¹ Зеленый флаг — символ ислама.

² Кази-Молла — один из первых имамов Чечни и Дагестана, убит в 1832 г.

И в беззаконьи чахли дни.
Среди раздоров и резни,
Как хищный зверь в ночной тени,
Гуляла злоба, Дагестан.

.

* *
* *

Мысль, словно море, глубока,
Он — мозг и руки бедняка.
Мир видящий издалека,
Сильней всех сильных, Дагестан.

Для нас среди круглых промад
Рабочими возвращенный сад,
Приятный сердцу аромат,
Яйлаг¹ цветущий, Дагестан.

На ветер слов не бросит он.
Он правдой нашу силен.
Над целым миром вознесен
Утес высокий, Дагестан.

Он тучи черные рассек,
Дал бедным счастье в малый срок,
Он землякам моим помог
Прозреть и видеть, Дагестан.

Веков грядущих следопыт,
Везде любим и знаменит,
Весь мир глазам его открыт,
Он зорко смотрит, Дагестан.

¹ Яйлаг — летнее пастбище.

² Джамбул

6645
Ю.И.И.

Вот образ — ярче вешних роз.
В суровый год военных гроз
Товарищ Сталин нам привез
Подарок красный, Дагестан.

В краю ущелий и долин
Раскрыл он свой большой хурджин¹.
Дал Ленин горцам дар один —
Ты стал советским, Дагестан.

Шел девятьсот двадцатый год.
На сходку Сталин звал народ.
Советских дней победный ход
Он разъяснил нам, Дагестан.

Муллы и бека злобный пыл
Он сильным словом охладил.
Болезни бедных исцелил,
Вернул нас к жизни, Дагестан.

Большую силу Сталин дал
Народам горским, Дагестан.
В ущельях наших диких скал
Гудят заводы, Дагестан.

К снегам заоблачных высот.
Автомобильный путь ведет.
Мостов железный переплет
Сковал потоки, Дагестан.

Окинь глазами все вокруг.
Нам Сталин всем помог, как друг, —

¹ Хурджин — дорожный мешок, состоящий из двух частей, обычно употребляемый в странах Востока.

Машины цеху, полю плуг
Он дал для счастья, Дагестан.

Давил нас бек, и царь, и бог.
Теперь страданий кончен срок.
Рабочий русский нам помог
Найти дорогу, Дагестан...

.

ДУМЫ О РОДИНЕ

Поэма

За днями дни идут чередой.
О песня, я обрел твой голос.
Кольшет ветер молодой
Налитый зноем зрелый колос.

Шуршит листвою, как дождь весной,
Качает ветви над рекой,
В глазах моих дрожит слезой
Твой серебром поющий голос.

Не знаю сам, как много дней
Я думал над судьбой твоей.
О песня, прозвучи сильней
И окрыли мой слабый голос.

Мне недосуг. Вот вновь меня
Влечет твой зов на склоне дня...
Пусть осыпается, звеня,
Созревшей песни знойный колос.

Я вспоминаю жизнь, как сон,
 Как сон, что страшной правды полн.
 Нуждой кричащей был пленен
 Мой путь и мой очаг, товарищ.

Я вспоминаю белый свет,
 Читаю книгу черных бед.
 Нигде, нигде отрады нет,
 И больно мне читать, товарищ.

Своих печалей караван
 Вел за собой ты, Сулейман,
 И путь был тонким, как аркан,
 Во всю длину судьбы, товарищ.

Мерцали звезды над тобой,
 По всей земле — земле чужой,
 Объят безрадостной мечтой,
 Бродил ты одиноком, товарищ.

Я вспоминаю свой аул,
 Разврат князей, обжорство мулл.
 Здесь даже камень спину гнул
 Перед лицом бича, товарищ.

Нас было много, но адат¹
 Тысячелетья плел разлад.
 Ты — лакец², я — лезгин, он — тат³, —
 Друг друга мы кляли, товарищ.

¹ Адат — обычное право в отличие от мусульманского права.

² Лакец — народность Дагестана.

³ Таты — горские евреи.

Был враг хитер, как лисий хвост¹.
Он поджигал меж нами мост.
И вместо дружбы рос погост
Твоих, моих костей, товарищ.

Кровоточащую рукой
Ты брал не меч, а посох свой
И шел, качаясь, как слепой,
Своих же сторонясь, товарищ.

(О как забыть мне те края:
Обиды смертные тая,
Там молодость прошла моя,
Как неурочный дождь, товарищ.)

Не знали мы с тобой в те дни,
Что от рожденья мы сродни,
Что мы, и только мы одни,
Хозяева земли, товарищ.

Что есть страна, где все — для нас,
Что жизнь бесценна, как алмаз,
Что всемогущ рабочий класс,
Ведомый партией, товарищ.

И, вспомнив с новой силой вдруг
Былых времен тлетворный круг,
Я, обращая взор вокруг,
И на себя гляжу, товарищ.

Гляжу на синий небосвод,
На белый свет, на свой народ,
И жизнь мне книгу подает
С портретом Сталина, товарищ.

¹ У горцев существует поговорка, что вся хитрость лисы — в хвосте.

II

Одна на свете есть страна,
Ей слава всех времен дана.
Я знаю — речь моя бедна,
Чтоб родину воспеть достойно.

Необозрим ее простор, —
От волжских вод до снежных гор
Узорный солнечный убор
Чело ее покрыл достойно.

В кольце могучих городов
Не молкнет говор поездов,
И на морях в оправе льдов
Проходят корабли достойно.

Сквозь бури и туман сплошной,
Пересекая шар земной,
Летают летчики семьей,
Оглядывая мир достойно.

Страна, где уничтожен гнет,
Где сильный слабого не гнет,
Где воздают труду почет
И труд свой берегут достойно.

Где счастье входит в каждый дом,
Где жизнь — в наряде золотом,
Где вновь испытанным зерном
Поля засеяны достойно.

Здесь дни легли, как шелк шатра,
Как жемчуг, лунны вечера.
И завтра так же, как вчера,
Здесь будет ясно и достойно.

Садов миндальных аромат
Здесь насыщает каждый скат,
Румянолики, как гранат,
Встают рассветы здесь достойно.

Одна на свете есть страна,
Ей сила всех времен дана.
Любая песнь пред ней бледна
И зваться песней недостойна.

Живет здесь богатырь-народ,
Он строй счастливый создает,
Весь мир он наново кует,
Чтоб человек в нем жил достойно.

III

Товарищ мой, в такой стране
Впервые жизнь открылась мне.
На кабардинском скакуне
Догнал я молодость, счастливый.

Впервые радость я познал,
Впервые гордость испытал
И дружбы драгоценный лал¹
Я, наконец, обрел, счастливый.

Одна страна, один народ,
Всех стран надежда и оплот,
И каждый честный здесь найдет
Свою семью и дом счастливый.

¹ Лал — драгоценный камень.

И всем доступный, как родник,
Во всей стране один язык.
Он в сердце каждого проник,
Язык большевиков, счастливый.

Здесь нет рабов, здесь нет господ,
Страной здесь правит весь народ,
И каждый труженик несет
На благо всем свой труд счастливый.

И где б ногой я ни ступил,
Какую б воду я ни пил, —
Я дома. И по мере сил
Я славлю в песнях край счастливый.

Вокруг меня огни в горах,
Сады выросли на пустырях.
Плоды пылают на ветвях,
Где соловей поет, счастливый.

Вот новых фабрик корпуса,
Заводов новых голоса,
Грядущих городов леса
И смех строителей счастливый.

Я славлю тысячи дорог
И Дальний — близкий мне — Восток,
Грузинский древний городок,
Где вождь родился в день счастливый.

Цветов абхазских лепестки,
Вершин кавказских ледники,
Туркменистанские пески
И ветер северный, счастливый.

Я славлю Рубас-чай¹ и Дон,
Эльбрус, что солнцем озарен,
Как солнце ясный, наш закон
И сердце мира — Кремль счастливый.

Со всех концов видна Москва,
Небес московских синева,
Кремлевских башен кружева
И герб на знамени счастливый.

И всюду слышен, всюду жив
Могучий сталинский призыв,
Народы мира окрылив,
Творит он жизнь страны счастливой.

И говорить ли снова мне,
Как он со всеми наравне
На кабардинском скакуне
Меня несет путем счастливым.

IV

Товарищ, милый, мир велик,
Но был он скуп, жесток и дик.
И вот явился большевик,
Чтоб переделать мир достойно.

Чтоб стал он щедрым, как весна,
Прозрачней меда, слаще сна,
Чтоб был он радостней вина
В кругу друзей в пиру достойном.

¹ Рубас-чай — одна из бурных рек Дагестана.

Но враг взбешен. Его гнетет
Советов солнечный восход,
Он злые сети нам плетет.
Не спи, товарищ мой достойный!

Коварно крадучись в ночи,
Готовят бойню палачи.
Но под рукой у нас мечи,
Чтоб обнажить в ответ достойно.

Настанет день, настанет час,
Страна на подвиг кликнет нас.
Всю силу сердца, зоркость глаз
Мы отдадим борьбе достойно.

Мы ногу в стремя занесем,
Мы наши крылья развернем
И грянем, как весенний гром,
Вооруженные достойно.

Настанет день, настанет час,
Врасплох он не застанет нас,
И всей земли рабочий класс
Поддержит родину достойно.

Подхватит песни нашей зов,
Сорвет замки своих оков
И против стаи хищных псов
Объединит свой гнев достойно.

Одна на свете есть страна,
Ей воля всех времен дана,
Чтоб правду всех времен она
Взрастила на земле достойно.

И нет на свете силы той,
Чтоб заслонить ей путь прямой:
Могучей сталинской броней
Одета грудь ее достойно.

V

Ты видишь сам:

Так жизнь течет —
За днями дни, за годом год.
Где караван былых невзгод,
Что путь твой обступал, товарищ?

Где боль кровоточащих ран,
Где старый дом твой, Сулейман?
Кто счастья нового мерджан¹
Так щедро дал тебе, товарищ?

Припомни снова жизнь свою,
Свой тесный двор, свою семью,
Тот край, где ты бывал на дню
Обманут сорок раз, товарищ.

Ты обо всем припомни вновь.
Пусть гневом закипает кровь,
Пусть злоба снова хмурит бровь,
Былому не прощай, товарищ!

Ты много видел, мой собрат,
Всю жизнь искал ты счастья клад,
Твоих обид, твоих заплат,
Бывало, не сочтешь, товарищ.

¹ Мерджан — янтарь.

Скажи, скажи, как был в петле,
Как клад добыл ты на земле,
Как самый дальний дом в селе
Стал ныне ближе всех, товарищ?

Кто этот клад найти помог,
Кто вражьи силы превозмог,
Твой бедный глиняный порог
Коврами кто устлал, товарищ?

Кто свет зажег в сердцах людских,
Кто окрылил отвагой их,
Кто вдохновляет каждый стих
Певцов моей страны, товарищ?

Кто вывел нас из бед кольца,
Кто заменил нам всем отца,
Чья мысль с начала до конца
Есть ленинская мысль, товарищ?

Чье слово — ленинский завет,
Чей путь — великий путь побед,
Кто за цветенье этих лет
Боролся с юных лет, товарищ?

О нем все думы всех времен.
Он мир от зла спасти рожден,
Тысячелетний страшный сон
Развеять он рожден, товарищ.

Народы к жизни пробудить,
Меж ними дружбу утвердить,
Трудом счастливым наградить
Трудящихся — рожден, товарищ.

Он в каждой радости моей,
В любви и счастья матерей,
В учебе и в игре детей
Твоих, моих, детей, товарищ.

Его величием — мир велик.
Он мудрость всех веков постиг.
В мой лучший час, в мой светлый миг
О нем мой стих поет, товарищ.

Шуршит листвою, как дождь весной,
Качает ветви над рекой, —
В глазах моих дрожит слезой
И в круг друзей зовет, товарищ.

И птицей просится в полет,
И вдруг миндалем зацветет
Простой мой стих, когда поет
Ашуг о Сталине, товарищ.

1937 г.

ЛАХУТИ

Поэт-орденоносец

КРЕМЛЬ

Поэма

О Нуширвановых¹ что слезы льешь дворцах?
Проникни, сердце, в Кремль, читай в его
зубцах,

В глубины этих стен впери пытливый взор:
На трупах трупы там и кости на костях.
Не роспись куполов — народа это кровь,
То не кирпич простой — то труженика прах.
Здесь дыма каждый клуб был мученика стон,
Здесь каждый перл слезой в сиротских был
очах.

Насилья это храм; взгляни по сторонам, —
Ступенью каждой он стоит на мертвецах.
Ликующе тебе смеется Кремль теперь,
И тяжело стонет он о сгнувших борцах.

¹ В XII веке иранский поэт Афзаладдин Хакани написал «Медаинскую элегию», плач над развалинами дворца Хосрова Нуширвана (иранского царя из последней домусульманской династии Сасанидов). Поэма «Кремль» написана в ответ на эту знаменитую элегию, прославляющую бывшее феодальное могущество Ирана.

Теперь, как рай земной, встает он пред тобой,
Вчера тюрьмы черней он в наших был глазах.
Царит сегодня тут благословенный Труд,
Вчера проклятый Гнет гнезвился тут в углах.

* * *

И Кремль и Меданн работник воздвигал,
Но жил Романов тут и Сасаниды там.
Чтоб этим башням встать, чтоб куполам
блистать,
По селам крался мор, нужда по городам.
Подписывали здесь владыки каждый день
Кровавый приговор рабочим головам.
Но Кремль — один ли он на крови возведен?
И здесь ли только гнет опорой стал стенам?
На том же грунте ввысь надменно вознеслись
Британии дворцы и Ватикана храм.
Везде трудом чужим богаты торгаши,
Усилья пахарей — услада господам.
Гляди ж, гляди в упор, не обольщайся, взор!
Тут слез ручьи, тут кровь струится по камням.

* * *

Здесь башня каждая, как неутешный глаз,
Оплакивает смерть рабочих и крестьян.
Господские сердца чтоб замок веселил,
Здесь бедняков сердца рвались от мук и ран.
Средь золоченых зал как шумно пировал,
Как сладко ел, и пил, и нежился султан!
А те, что лили кровь и замок возвели,
Ни разу в нем воды не выпили стакан.
Вон кружит воронье... Не раз у тех в глазах

Кружился дико мир и черный плыл туман.
Фундаментом дворцу была людская смерть,
Упрямый зодчий — Гнет чертил кровавый пла
О пытках и смертях, о крови и слезах
Отсюда каждый день приказы слал тиран.
Душил отсюда он безжалостной рукой
Туран ограбленный, растерзанный Иран.

* * *

Средь золоченых зал чтоб гром пиров не мол
Гремели кандалы в стране из края в край.
Любуясь, на хрусталь, висящий здесь и там,
Повешенных тела, о сердце, вспоминай.
Народу, знаешь, что рокошет старый Кремль?
«Ты взял меня, — смотри ж, из рук не
выпускай
Тут стены говорят, тут кирпичи кричат,
Рабочий, проходя, их голосу внимай!

* * *

«Ты — то же, что и мы, мы были то, что ты,
Мы прахом полетли, ты выиграл тут бой,
Храни ж победы стяг, на страже стой, чтоб вр
Не попирали нас впредь надменною ногой.
Лишь твой не тяжек нам победоносный шаг:
Ты — тоже труженик, мы из семьи одной.
Мы имя гордое одно с тобой несли,
Но рабство дикое сравнило нас с землей.
Ты спросишь: — Где же вы, чьи стоны сердц
рвут?
В крови утоплены, задушены петлей!

Трудились мы, но часть одну лишь нам давал,
А девять брал себе хозяин-живоглот.
Роптали мы: цена такая дешева,
Высокий господин, за наш кровавый пот!
Но сердцу каменному в каменной груди
Что слезы бедняков, что стонущий народ?
Богатство в их руках, оружие в их руках,
Они — цари земли, а мы — рабочий скот.
Наука им — раба, искусство им — слуга,
Религия им — щит, им царский трон — оплот.
Мы падали без сил, и ветер разносил
Над миром вопли вдов и жалобы сирот.

* * *

Мы телом ныне прах, и прах тот — в кирпичах,
Но тени наши здесь невидимо скользят,
И тысячью очей из стен, колонн, дверей
Глядим мы и теперь, как много лет назад.
Мы видели... Но все ль рассказывать тебе?
Багровой дымкой гнев тебе застелет взгляд.
В застенках сотни тел там корчились в крови,
Чтоб в пляске сотни дев тут изгибались в лад.
От ветра, видишь, как трепещет гиацинт?
От страха люди так здесь трепетали, брат!
Тут зорко стерегли корону и престол
Оружия клинок и набожности яд.

* * *

Не воду, не вино, — тут нашу пили кровь,
Любили тут клочки дымящихся сердец.

Рабочий встанет класс, победы грянет час,
Увижу: целый мир — единая страна,
И молот — властелин, и серп — эмир один,
И Красною звездой земля озарена.
Царей, попов обман растает, как туман,
Падет деспотия, свободой сметена,
Тьма сгинет, в мир сойдет Познание, и народ
Забудет имя «бог» и слово «сатана».

1923

О КЛАССАХ, О СТРАСТИ И О БОРЬБЕ

Шейх¹ сказал: «Две истины борются в небе».
Шейх сказал: «К чему вам заботы о хлебе?»
Бедность нужна для мира. Богатство нужно для
мира.

Будем ждать — какой нам выпадет жребий.
Слава вам, полководцы, кровью залившие мир,
Слава и вам, рабы, вскормившие мир!»

«Лживый, глупый старик», отвечал я шейху,

«Жалок мне твой язык», отвечал я шейху.

«Все, что есть на земле, — дело крестьян и
рабочих,

Славный труд их велик, — отвечал я шейху. —

Лондон, Берлин, Багдад воздвинуты нами.

Правда одна — другой нам правды не надо.

Мы захотим — и сотрется самое имя

Лондона, Парижа, Басры, Багдада.

Мы говорим — работа наша полезна,

¹ Шейх — мусульманское духовное лицо.

Если она служит рабочему делу.
Труд ваш, шейхи, не может трудом называться:
Разве трудится палач, кромсающий тело?
Этот скверный мир, мастерская гнета,
Кузница рабства, бурдюк¹ злобы и жира,
Должен пасть под песенку пулемета
В твердой руке батраков и рабочих мира.
Время пришло. Рука класса окрепла.
Новый мир без классов взойдет из пепла.
Я — Лахути — полон неслыханной страстью.
Что мне шейх, угрозы рая и ада!
Страсть к борьбе с врагом жжет мое сердце,
Жжет больней, чем любовь сердце Фархада»².

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Его лицо уже давно не брито
И желто, словно мертво.
И рваным рубищем едва прикрыто
Худое тело его.
Изнанены его босые ноги,
Связаны руки назад.
Вооруженный — по пыльной дороге —
Едет за ним отряд.

По пыльной дороге отряд казачий
Ведет его на Тегеран.
Он еле плетется, а ветер горячий
Насквозь прожигает гортань.

¹ Бурдюк — мешок из цельной бараньей или козьей шкуры.

² Фархад — герой поэмы классика узбекской литературы Неваи (XV в.)

Усталый, голодный — от бога не хочет
Он помощи. Что ему бог?
Он за свободу крестьян и рабочих
Отдаст последний свой вздох.

Вдруг, сжалась над ним, один из конвойных
Задал ему вопрос:

«Эй, преступник, правду открой нам,
Что у тебя стряслось?

Признайся, убил ты кого иль опрабил,
Какая твоя вина?

Ты с виду как будто смирный и слабый,
А мы — что? — сторона».

И арестант, от гнева вздрогнув,

Гордо ответил так:

«Не вор, не бандит с большой дороги,
Я не преступник, казак!

И раз ты спросил, то слушай, парень:

Мое преступленье в том,

Что я — бедняк, что я — пролетарий,

Вскормленный нуждой и трудом.

Я тем виноват, что дни и ночи

Только о том мечтал,

Как бы трудящийся класс рабочий

Работал и не голодал.

Скажи, справедлив ли такой порядок

(Сам мозгами прикинь),

Что мир для одних — как шербет¹, был сладок,

А для других — полынь?

Скажи, почему мы должны работать

И нищими умереть,

¹ Шербет — прохладительный сладкий напиток на Востоке.

А богачам -- лишь одна забота —
От нашей крови жиреть?
Мир создали мы, а не класс дармоедов,
И мы им должны управлять.
За все, что тебе я сейчас поведал,
Можешь меня расстрелять!..»

«Послушай,— вмешался второй конвойный,—
Что-то ты больно врешь.
Ты, говорят, бунтовщик беспокойный,
Законов не признаешь.
Ты возбуждаешь народ против шаха¹,
Сеешь смуту в умах,
Ты — против родины, против аллаха,
Да простит меня аллах!
Нет, уж лучше скажи нам честно,
Что ты и кто таков?
Или ты просто — любитель арестов
И виселичных крюков?..»
«Ну, что же,— сказал арестант,— я отвечу.
Мне нечего тут хитрить.
Быть может, удастся мне этой речью
Глаза и тебе открыть.
Родина, трон, закон, вера —
Наруку лишь богачам.
Ведь даже собаке шаха, к примеру,
Живется лучше, чем нам.
Все эти слова созданы для обмана,
Для угнетения масс.
Каждое — золоченым капканом
Стоит на пути у нас.
Ты тоже — обманут начальством, ты тоже —

¹ Шах — самодержавный властитель в Иране.

Темен и слеп, казак!
Но, если захочешь, поймешь, быть может,
Кто тебе друг, кто — враг!
Все наши законы — такие акты,
Которыми (это факт!)
Всегда обеспечен (если бедняк ты)
Тебе обвинительный акт.
Но, чтобы добиться освобожденья,
Чтоб сбросить ярмо с горба,
Мы знаем: нам нужно объединенье
И классовая борьба!»

НАША МОЛОДОСТЬ

ДЕСЯТОМУ СЪЕЗДУ КОМСОМОЛА

1

Юноша, бледен, смущен, потрясен,
Старцу-гадателю сказывал сон:
«Видел сегодня во сне я отца
Свежим и бодрым, и юным с лица.
Помнишь ты сам, что покойный отец
Дряхлым и слабым встречал свой конец.
Старец, мой сон истолкуй ты ясней:
Молодость старца — что кроется в ней?»
Молвил гадатель: «Дурного тут нет.
Светел вопрос твой и светел ответ.
Сну твоему толкованье одно:
Зажил в раю твой родитель давно.
Если безусым приснился мертвец,—
Знай, что попал он в небесный дворец:
Райской обители воздух таков,—
Юношей делает из стариков».

Деда я знал из колхозных дехкан:
 Львиная сила и тополя стан.
 «Как сочетал ты, — его я спросил, —
 Старца седины и юноши пыл?»
 Молвил он: «Мною богатый владел,
 Кладбищем горестным край мой чернел.
 Горе горбатило плечи мои,
 Руки мертвило и речи мои.
 Но Октябрем сокрушен капитал,
 День воскресения мертвых настал.
 Кладбище сгнуло, край наш не тот,
 Райской долиною край наш цветет.
 С горем и трауром мы не в ладу.
 Бай и насильник давно уж в аду,
 Я же, что гнулся под бременем бед,
 Мученик черных, томительных лет,
 Ласково в новую принят семью,
 Встал из могилы и зажил в раю.
 Рай наш — не тот гурий полный кабак,
 Что нам сулили мулла и кулак.
 Рай наш — сплоченный и солнечный труд,
 Ленинским, сталинским рай наш зовут.
 В сердце моем здесь надежда горит!
 Юн я, хоть старость виски серебрит.
 Юность — не черные кудри, мой друг,
 Юность — дерзанье и радостный дух.
 Ленинский, сталинский рай наш таков, —
 Юношей делает из стариков!»

3

Юношей много таких есть у нас,
 Что по годам им до века — лишь час.

Молоды все мы в советском краю,
Бодро шагаем в едином строю,
Пылко и смело кидаемся в бой,
Делаем землю, как мы, молодой.
Кто же здесь юностью всех превзошел?
Юны мы все, всех юней — Комсомол.
Разум пытливый, могучая грудь,
Сталина светоч и Ленина путь —
Вот чем весь мир Комсомол победит,
В ленинский, сталинский рай обратит!

1936

IV

СУДЬБА ЛИЧНОСТИ ¹

Жил в старом Исфагане шейх седой.
Однажды он за стол богатый свой
Созвал окрестных бедняков и нищих.
«Ешь, пей, народ, набей карманы пищей
Да бога милосердного моли,
Чтоб шейха дольше он не звал с земли!»
Шел мимо в этот час гуляка пьяный
И, двери распахнув, вошел незванный.
Лишь он успел переступить порог
И гостя разглядеть хозяин смог,
Сказал он: «В день суда, о люди, второе
Господь дурным воздаст нам за дурное.
Иди отсюда, грешный негодай!
Святой и чистый стол не оскверняй!»

¹ Настоящий отрывок представляет собой главу из поэмы Лахути «В Европе».

Смеясь, бродяга молвил без смущенья:
«Виною бог, ведь мы его творенья.
В нас, грешников, грехи вселил он сам.
За что ж терзаться вместо бога нам?»
Разгневал шейха пьяница-насмешник,
Вскричал старик: «Ты лжешь, невежда,
грешник!

Бог вольными рабов своих создал,
Во всех деяньях им свободу дал!»
Пришлец в ответ лишь усмехнулся снова
И удалился, не сказав ни слова.
Назавтра смерть пред шейхом тут как тут, —
И старика на кладбище несут.
Все те, что за столом его сидели,
Шли вслед (молитвы не достигли цели).
Откуда ни возьмись, бродяга тот
Пред погребальным шествием встает
И уши поражает едкой речью:
«Эй вы, что там взвалили вы на плечи?
Куда вы, люди, тащите его,
Свободное такое существо?»

Европа тем гордится издавна,
Что там свобода нациям дана,
Что все в правах равны там без изъятья,
Что люди там — и граждане и братья.
Сомненья нет, те речи не обман.
Там каждому свободный выбор дан:
Там волен жирный обладатель денег
Любое в жизни выбрать наслажденье,
И пролетарий волен в день любой
Меж голодом, и горем, и нуждой,
Меж кабалой, тюрьмою и скитаньем —
По вкусу выбрать для себя страданье.

Я инженера как-то видел там,
Водил он грустно кистью по стенам.
Тут, вспомнив быль о шейхе и бродяге
И с шейховой сравнив судьбу бедняги,
Спросил я: кто привел сюда его,
Свободное такое существо?
Когда бы выбирать свободно смел он,
Иным бы, верно, занялся он делом.
Но он у бога страшного в тисках:
Бог — золото, и все в его руках.
Да, золото сидит на троне бога,
Талант и ум, как нищий у порога.
Так жил и я до той поры, когда
Ступил на землю вольного труда.
Как в западных краях, и жизнь Востока
Давно течет позорно и жестоко.
Я помню дни слепого бытия,
Когда я не был вправе зваться «я».
Я действовать не мог, как «я» свободный,
Я не был «я», как всякий, мне подобный.
Но приняла меня советская семья,
И с той поры впервые я стал «я».
Ковать ли у огня металл упругий,
Шагать ли с песней за колхозным плугом,
Тела людские знаньем исцелять,
Сердца людские словом оживлять,
Рукой науки побеждать природу,
Пасти стада иль быть вождем народу, —
Из этих дел в стране моей родной
К любому путь открыт передо мной.
Мои здесь все дела и все занятия,
И люди здесь мне подлинные братья.
Здесь я не только «я» одно, друзья, —
Здесь я — сто семьдесят миллионов «я»!

ДВА ОРДЕНА

(Отрывок из поэмы)

II

1935—1936

В залах пролетарского дворца
Свет и стройность веселят сердца.
Там сегодня с утренних часов
Полон воздух гула голосов.
Там семи¹ республик, ста племен
Люди собрались со всех сторон.
Что за люди? — Лучшие борцы.
Что за люди? — Славные творцы.
Волны лижут ноги им, тихи.
В их руках кольцо слона стихий.
Посреди — правитель их земли,
Рядом — охранитель их земли,
Полководец армии труда,
Кем страна советская горда.
Вдруг, покоен и велик, вошел...
Ты сказал бы, солнца лик вошел.
Буря счастья с мест людей снесла,
Громом криков стены потрясла.
Волны радости росли, росли,
До неба вздымаясь от земли...
Сталин шел, как добродушный лев,
Взглядом огненным сердца согрев.
Потекла беседа. Сотни лет
Не сотрется той беседы след.

¹ До принятия Чрезвычайным VIII съездом советов Союза ССР Сталинской Конституции (в декабре 1936 г.) в СССР входили 7 союзных республик.

Точно трель, что сыплет соловей,
Над весенней розою своей,
Девичьи раздались голоса:
«Край наш, словно рощи и леса.
Буйно он и вширь и ввысь растет.
Как в цвету деревья — наш народ.
Этот лес одели мы листвою,
Солнцем нас зовите и весной!
Это мы в полях и за станком
Службу солнца и весны несем.
Лист весной рождается свеж и чист,
И окрашен солнцем каждый лист, —
Так в руках подруги хлопок мой
Тканью станет солнечно-цветной!»
«Я, колхозница, ткачихе друг.
Мы — для родины, как пара рук.
Эти руки быстры и легки.
Им послушны трактор и станки.
Их еще мы сделаем быстрее
Для защиты родины своей».

Девушек сменил герой другой, —
Пролетарского Баку герой.
Молвил он: «Мы — ленинцев семья,
До глубин подвластна нам земля.
Сердце ей сжимая вновь и вновь,
Черную наверх мы гоним кровь.

.
Страстная бурлит во мне мечта,
Ею грудь до края налита,
Чтоб по жилам родины моей
Кровь неслась обильней и быстрее,

Чтобы пламенный, могучий дух,
В ней горя, вовеки не потух».

Третий молвил: «Чудо я свершил, —
Телу родины прибавил жил.
Без дорог мертва была страна —
(Без артерий жизнь кому дана?).
Если кровь — товары, нефть, сырье,
Крови было много у нее,
Нехватало ей железных жил,
Чтоб разнести по телу кровь и пыл.
Молодость сумели мы вдохнуть
В каждый обветшалый, ржавый путь.
И немало новых, крепких жил
Труд наш в тело родины вложил,
И сегодня кровь страны родной,
Мчась по жилам жаркою волной,
Свой размеренный свершает круг...
Позабыла родина недуг!
Много трудностей встречалось нам,
Много на пути зияло ям, —
Через все переступили мы,
Вражьи вылазки отбили мы.
Большевистский пыл в груди неся,
Железнодорожников семья
Шла за Кагановичем родным,
Перед кем препятствия — как дым,
Кто учил нас не дремать, не ждать,
Но хотеть, бороться, побеждать!»

Речь завел один из львов-людей,
В чьих глазах синела даль морей.

«Я, — сказал он, — верный страж труда.
Я — огонь, хоть мать моя — вода.
Если через море кто-нибудь
К нам на берег вздумает шагнуть, —
Огнедышащих вулканов строй
Вознесем из глубины морской,
Морю запалать велим огнем,
Ад пред силой вражьей распахнем,
Налетим грозой со всех сторон.
Будь она хоть гидра, хоть дракон, —
Не увидать ей себя живой,
Видеть ей — лишь прах могильный свой».

Человек-орел вскочил, могуч,
Молнии быстрее, грознее туч.
Молвил он: «Над небом мы царим.
Ветер — конь, мы правим гордо им.
Тигры мы воздушной высоты,
Если ж воздух — море, мы — киты.
Пусть хоть феникс налетит на нас,
Здесь пробьет его последний час.
Не взойдет из пепла он живьем,
Прах его по ветру разоведем».

Кто-то юный вышел: речь проста,
Но летит, как пламя, изо рта.
«Мы свободы верные сыны,
Панцырь и ограда для страны.
Через наш суровый частокол
Недруг ни один не перешел.
Если обернется враг огнем, —
Тучей став, обильный дождь прольем.

Тучей станет, — вихрем налетим,
Тучу вздохом разметим одним.
Вихрем налетит на край родной, —
Станем на пути стальной стеной.
Зорко бдим над каждым рубежом,
Родины пределы стережем».

Говорили на собрании том
Водолаз, доярка, астроном,
Врач, шахтер, комбайнер и артист,
Агроном, писатель и танкист.
За героем проходил герой
Пред толпой внимательно-немой.
Выслушав их речи, Сталин вдруг
На меня взглянул: «Что скажешь, друг?
Там, на поле чести трудовой,
Был и ты. Открой нам подвиг свой».
«Славься, вождь любимый! — молвил я. —
Над врагом победа будь твоя!
Семь республик, сто народов здесь
Принесли тебе победы весть.
Но о чем ни говорили тут,
Было ль то наука или труд,
Речь о розах шла иль о станках,
О колхозах или о полках,
Вспоминали Запад иль Восток,
Пар ли, электрический ли ток,
Урожай ли славили полей,
Души ль обновленные людей,
Исцеленье ли недугов злых,
Оживленье ли племен немых, —
Кто такие б речи ни твердил,
Перед нами образ твой чертил.

Сам же, мастер несравненный, ты
Воплощаешь Ленина черты.

Слушай же: однажды поутру
Из Москвы я прибыл в Бухару.
В те года средь дальних горных сел
С басмачами бой упорный шел.
Край таджиков весь в огне пылал,
Каждый камень был от крови ал.
Вижу: Бухары закрыт порог,
Кроме неба нет иных дорог.
Сотня караванов там стоит,
Рвутся в путь, но путь для всех закрыт.
Я добыл стальную пару крыл,
Стал орлом и в поднебесье взмыл.
Порываясь к делу и борьбе,
Прилетел я в город Дюшамбе.
Среди гор звучал победный шаг
Красных. Отступал разбитый враг.
Из басмачьей вырвавшись руки,
На ноги вставали кишлаки.
Но еще преград был полон путь,
Время не настало отдохнуть.
Был один противник покорен, —
Враг иной теснил со всех сторон,
Старый враг, непримиримый враг —
Суеверье, фанатизм и мрак.
Вечно ум бесхитростный дехкан
Был тоской и страхом обуян.
Лицемерны, мстительны и злы,
День и ночь твердили им муллы:
«В судный день за каждый ваш порок
Милости испросит вам пророк.

Не страшны злодейство и разврат, —
Знайте, лишь неверья страшен яд.
Грех роптать! Во всех своих делах
Мудр аллах, непогрешим аллах.
Это он богатым блага дал.
Он и роскошь и нужду создал.
Заклинанье исцелит недуг.
Над женою властвует супруг.
Школа — мусульманским детям враг,
Счет — кошунство, цифра — адский знак.
Книга нам одна нужна — коран¹.
У машин в груди сидит шайтан².
Поезд — это демонский осел.
Светопреставленья день пришел!»
Так муллы дурманили умы,
Так стонал народ во власти тьмы.
Я сказал себе: вот рвенья час!
Кровь, бурли: настал кипенья час.
Пусть я слаб, разбит и изможден,
Но ведь я из ленинских колонн.
Не бежит от схватки боевой
Сталинской когорты рядовой.
Там не место думать о себе,
Где народу нужен друг в борьбе.
С места я вскочил, отвагой пьян.
Вновь для битвы опоясал стан.
Что твердил, как звал — не помню я,
Но со мною вспыхнули друзья.

Небывалый завязался бой.
Меч в одной руке, перо — в другой.

¹ Коран — священная книга мусульман.

² Шайтан — дьявол.

То в пути, то средь народных масс,
В день сраженья и в беседы час
Бились мы, подняв советский стяг,
Крепли, и слабел теснимый враг.
Ленинскою мыслью, как огнем,
Жгли мы лес обманов день за днем.
Выстроив на полках — книг полки,
Знанию дверь открыли в кишлаки.
Здесь и там сидел в засаде враг,
Нас встречая тысячей атак.
Но напрасно лил он злобы яд, —
Не вернуло нас ничто назад.
Нам на всем пути суровом том
Партия твоя была щитом.
Помнишь ли былой таджикский край?
Пышно зрел там горя урожай,
А теперь, всех лучше знаешь ты,
Счастьем там колосья налиты.
Сто примеров рвутся на уста,
Но довольно одного из ста:
Девочка одиннадцати лет,
В чьих глазах я вижу счастья свет,
В чьих устах отважные слова,
Чья полна познаний голова,
Сталинский тебе вручила том, —
«Ленинизм» на языке родном.
Хоть двенадцатый всего ей год,
Тысячи таких взрастил народ.

Братьями, забыв вражду и плен,
Зажили таджик, узбек, туркмен,
И к себе их стран свободный ряд
Приковал всего Востока взгляд».

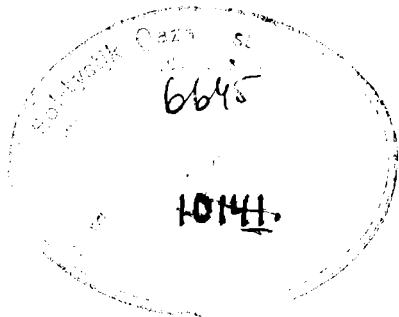
Кончил я. На эти речи зал
Гроном одобренья отвечал.
Встал Советов избранный глава,
Зазвучали мудрые слова.
Награжден Калинина рукой,
За героем проходил герой.
И меня приветом он почтил,
Орден Ленина и мне вручил.
И со мною рядом мастера
Тюркского, армянского пера
Ликовали, как и я, душой,
Осиянные наградой той.

И припомнил я далекий Решт,
Дни былых боев, былых надежд.
Друга взгляд и речи вспомнил я,
Знак недолговерный¹ вспомнил я.
«Вот, — сказал я, — несравненный знак,
Революции нетленной знак!
Будущее мыслью вижу я,
Но дожить хотел бы сам до дня,
Как орлиным осенит крылом
Революция весь мир кругом.
Верю я, под старый дуб тогда
Приведет меня моя звезда...»
Пред глазами орден тот стоял,
Орден этот на груди сиял,
Узнавали всюду славный знак...

¹ Лахути, как участник Гилянской революции (в Иране) в 1909 г., за революционные подвиги был награжден орденом Революции. Об этом ордене, сделанном из жести, и вспоминает автор в первой главе поэмы «Два ордена».

Тихо до дому дошел я так.
Мне навстречу выбежал мой сын,
Миновал ему лишь год один.
Сын (по имени Делир-герой)
Тут мне словно орден дал второй.
Крикнул он, едва успев взглянуть:
«Ленин!» — и припал ко мне на грудь.

Февраль 1936 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Джамбул (народный певец Казахстана, орденоносец)	
Поэма о братстве народов	9
Советский Союз	21
Сулейман Стальский (народный поэт Дагестана, орденоносец)	
Муллы	26
Шариатские судьи	28
Дагестан (отрывки из поэмы)	29
Думы о родине (поэма)	35
Лахути (поэт-орденоносец)	
Кремль (поэма)	46
О Казах о страсти и о борьбе	51
Классовая борьба	52
Наша молодость (десятому съезду комсомола)	55
Судьба личности	57
Два ордена (отрывок из поэмы) 1935—1936 .	60

Редактор А. Емина.
Техн. редактор М. Лойтерштейн
Корректора Н. Дегтерев и
М. Маркович.

*

Сдано в производство 3/IV 1938 г. Подп.
к печати 25/V 1938 г. Объем 2¹/₄ п. л.
Ф. бумаги 70×92¹/₂. Инд. Ю-7. М. Г. 61.
3,66 уч. авт. л. Уп. Главлита Б-44231.
Тираж 40 000.

*

Фабрика юношеской книги
изд-ва ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“
ул. Фридриха Энгельса, 46.
Зак. № 265.
Цена 1 руб.